

ВИКТОРИЯ МОРЛАНД

И ДАЖЕ
ВО ТЬМЕ
РАСЦВЕТАЕТ
ТО, ЧТО
НЕЛЬЗЯ
УНИЧТОЖИТЬ

ЦВЕТOK НАВИ

Виктория Морланд

Цветок Нави

«Автор»

2026

Морланд В.

Цветок Нави / В. Морланд — «Автор», 2026

Мирослава — юная Проводница душ, ученица старой ведуньи с самого Края Леса. Ее сакральный долг — уводить заплутавших мертвецов в небытие. Но привычный порядок рушится, когда отправленные ею призраки начинают возвращаться, превращаясь в свирепую, невиданную нечисть. Чтобы узнать, кто крадет у нее умерших, Мире придется нарушить главную заповедь наставницы — и заглянуть по ту сторону Нави. Поиски ответов приводят лесную чародейку в мир людей, где бушует политический хаос, а юный и суровый князь Эйрик отчаянно пытается удержать разваливающееся княжество. Их первая встреча начнется с обнажённых клинков, взаимного недоверия и глухой вражды. Смогут ли лесная ведьма и молодой правитель выстоять против культа, подчинившего себе саму смерть? И какую цену им придется заплатить, если у каждого из них за спиной прячутся мрачные тайны прошлого?

© Морланд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Гла	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктория Морланд

Цветок Нави

Пролог

Было мрачно и тихо. Слишком тихо.

Как только они вошли в чащу, все будто замерло. Воздух застыл, птицы смолкли, звери притаились, и лишь листья тихо колыхались, словно шептались между собой, — хотя мальчик и не чувствовал никакого ветра на своей коже. Чем глубже они продвигались, тем гуще и темнее становился лес. Ветки деревьев, словно паутина, сплетались над головой, закрывая догорающее небо. Только на границе дня и ночи у них был шанс перебраться на другой берег реки. Нужно было успеть, пока полная луна висела высоко. С первыми лучами рассвета они рисковали застрять в этом мрачном месте, полном существ, о которых в деревнях рассказывали лишь шёпотом.

Мальчик сглотнул и обернулся.

Река все еще виднелась из-за стройных стволов и темно-зеленых ветвей, и отсюда казалась обманчиво спокойной и тихой. Вечерняя заря падала на воду, окрашивая ее в багрово-оранжевые цвета. Переплетаясь с последними лучами угасающего солнца, гладь волшебного мерцала, отбрасывая огненные блики, кружащиеся в своем замысловатом алом танце.

Над рекой клубился густой, колючий пар. Когда они переходили хлипкий, сочащийся смолой деревянный мост, мальчик старался не вдыхать слишком глубоко — от едкого запаха кружилась голова. Горячий пар, касаясь лица, обжигал, но остывая, будто впивался тысячами ледяных иголок под кожу. Глубина манила, тянула к себе, но поддаться этому зову означало мгновенную гибель в ядовитом омуте. Легче стало только на твердой земле, когда они отошли подальше от берега.

Наблюдая издали за течением, мальчик не мог оторваться от этого пугающе красивого зрелища. Река словно горела ярким пламенем. — Ивар, не отставай, — крикнул рослый старик, идущий впереди.

Ивар мотнул головой, прогоняя наваждение, и поспешил за отцом, сжав в руке топорик покрепче.

Они шли по протоптанной в сухих кустах траве. Ломкая, выжженная, она с сухим треском ломалась под их тяжелыми сапогами, выдавая каждый шаг в этой мертвой тишине. На одной из веток Ивар заметил одинокий листок — тот едва слышно шелестел, будто звал его. Мальчик протянул руку и осторожно коснулся его. В то же мгновение лист рассыпался в прах, серым пеплом осев на землю. Все вокруг было словно мертво.

Через несколько вёрст Радимир замер у старого, дряхлого дерева. Его корни уродливыми змеями впивались в промерзшую землю, а искривленные ветви расходились к небу, словно пальцы тянувшейся из могилы руки. Он провел мозолистыми пальцами по глубокой отметине на стволе. Ивар выглянул у него из-за плеча, разглядывая знак поближе.

На коре была вырезана руна, куриная лапка — точь-в-точь как те, что они видели на осинах позади. Эти знаки оставались их единственной зацепкой. Но на этот раз корявая лапка была густо заляпана темными, почти черными брызгами.

— Это кровь? — едва слышно спросил Ивар.

Радимир поскреб пальцем сухую корку на стволе и поднес к носу. Нахмурившись, он мрачно кивнул:

— Не останавливайся и держи топор наготове.

Они были совсем рядом. Из чаши тянуло холодом и смертью — тем сладковато-приторным, тошнотворным запахом, который не спутаешь ни с чем.

Черная земля под их ногами внезапно оборвалась, уступая место странному белому настилу. Вступив на него, Ивар сделал всего два шага, как под его сапогом что-то пронзительно хрустнуло. Мальчик опустился на корточки, всматриваясь в блеклый отблеск, и поднял с земли небольшую белую щепку. Очистив ее от налипшей грязи, он похолодел. Дальше сквозь мрак вела тропа, полностью выложенная тонкими, хрупкими белыми костями. Их здесь были тысячи. Они устилали землю сплошным ковром. Осколки оказались столь мелкими, что определить их происхождение — звериные они или человеческие — было невозможно.

Но именно на этот путь указывала карта, и больше на деревьях не было ни одной отметины. Дальше их вела лишь непроглядная, иссиня-черная темнота с редкими проблесками лунного света.

— Что если это ловушка, отец? — встревоженно спросил Ивар, оглядываясь по сторонам. — Если не ступим туда — не пойдем, — глухо отозвался Радимир, не оборачиваясь. — Мы не можем вернуться домой ни с чем.

Ивар вздохнул. Его отец никогда не был особо разговорчив.

Вокруг стремительно холодало, и сизый туман медленно потянулся из глубины леса. Мальчик чихнул, утирая холодный нос и зябко закутался в плащ с заячьим подбоем.

Вначале его вела чистая храбрость; он сам до хрипоты упросил отца взять его с собой. Поход в проклятую чашу казался ему великим подвигом, возможностью доказать, что он уже взрослый муж. Но сейчас, когда непроглядная тьма Чернолесья накрыла их с головой, а сырой холод все сильнее пробирал до костей, Ивар потерял былую уверенность. Все его естество кричало развернуться и бежать прочь без оглядки. Однако он встряхнулся и глубоко вдохнул, отгоняя беспокойные мысли. Ему нельзя было трусить на глазах у отца.

“Я больше не тот мальчишка, боящийся каждой тени” — упрямо повторял он про себя.

И это было правдой. Ивар уже побывал в своей первой настоящей битве. Доказательство тому теперь красовалось на его юном лице — глубокий шрам, тянувшийся от самой челюсти до угла левого глаза. Варвар едва не лишил его жизни, прочертив сталью по коже, но топорик Ивара оказался быстрее. Позже Ивар жутко гордился и хвастался этим шрамом перед всеми, чувствуя себя истинным воином.

Что же до Радимира, то старый воевода не выражал ни капли беспокойства. Он уверенно шагал вперед, и Ивар, глядя на тяжелый отцовский меч на поясе, почувствовал, как страх отступает. Рядом с отцом ему ничего не грозило.

Когда-то сам князь наградил Радимира этим мечом из крепкой стали за добрую службу. С тех пор воевода с ним не расставался: чинил, бережно натирал маслом и брал в каждый поход. Отцу пошел уже пятый десяток — для опытного воина возраст почтенный. Голову Радимира давно выбелила седина, а лицо было изрезано глубокими морщинами и шрамами. Он многому научил сына. Ивар был самым младшим в семье, и с тех пор, как впервые смог удержать тяжелый отцовский меч, он мечтал что однажды этот легендарный княжеский меч достанется именно ему.

Внезапно из темноты пополз густой, липкий туман, скрывая костяную дорогу. Налетевший холод заставил Ивара вздрогнуть. Радимир остановился и наклонился к земле. В корнях высохшего дерева лежал длинный боевой нож. Воевода поднял оружие и очистил лезвие от налипшей грязи. У самой рукояти на стали было выбито кузнечное тавро их Князя.

— Это же их сакс... — выдохнул Ивар. — Людей из княжеской отряда. Значит, их всех убили? — Этого мы не знаем, — ответил Радимир хмурился пуще прежнего, сунул проржавевший сакс себе за пояс. — А если эта чародейка откажется нам помочь? — тихо спросил он. — Князь ведь уже едва дышит... Что, если мы зря идем на этот проклятый Плетень? — Она обязана, — глухо отрезал Радимир, и в его глазах блеснула тяжелая решимость. — Даже если

придется тащить ее из этой глуши силой. Жизнь князя — это жизнь наших земель. У нас нет права вернуться без неё.

Воевода развернулся и зашагал вперед:

— Идем дальше. Здесь нельзя задерживаться.

Глядя в серую пустоту перед собой, воевода горько подумал о том, что за последние десять лет их княжество совсем ослабло. Частые набеги варваров, внутренние распри, и что, хуже всего, ползущая из леса нечисть, что не давала покоя ни днем ни ночью, крепко потрепали их. Люди все больше боялись выходить за стены города. А некоторые мелкие деревеньки рассыпанные вблизи города, пришлось сжечь, чтобы не кормить своими людьми этих навьих тварей. Радимир понимал, что если так продолжится то княжеству несдобровать. Подданным требовалась твердая рука, но вся княжеская власть сейчас беспомощно лежала на смертном ложе, не в силах даже приподняться.

Неведомое темное колдовство, полученное князем в давней битве, заживо сжигало его тело: кожа государя почернела, став иссохшей, серой, почти земляной. Правитель таял на глазах, бредил и не вставал с ложа. Никто в княжестве не должен был узнать, что Князь сражен проклятием колдуна и умирает.

Единственным спасением была древняя ведунья, живущая в самой глубине леса. Говорили, она способна снять любую тьму, но ее уже много зим никто не видел в людском мире. Несколько месяцев назад Князь тайно отправил в чащу группу своих воинов на ее поиски. Назад вернулся лишь один. Парень полностью обезумел: хохотал, бормотал невнятицу, а затем с диким криком бросился в реку и ушел ко дну. При нем успели найти лишь грязную тряпицу со схемой пути, отмеченной теми самыми рунами на стволах. Князь отправил его проверить, Радимир не мог не подчиниться приказу.

— Отец, — негромкий голос Ивара выдернул воеводу из тяжелых мыслей. Мальчик замер, всматриваясь вглубь костяной дороги. — Там, во мгле... Там что-то есть.

Радимир не успел ответить. Мертвую тишину Чернолесья разорвал резкий, леденящий душу карканье.

Ивар вздрогнул и резко вскинул голову, прищуриваясь. Прямо над ними на скрюченной осиновой ветке сидела угольно-черная ворона и крутила головой, внимательно следя за ними белыми замысленными глазами. То одним, то вторым.

Но не успел этот звук затихнуть, как Чернолесье вокруг них пришло в движение. Мрак зашевелился, сгущаясь. Прежде чем Ивар успел хотя бы моргнуть, в непроглядной черноте чащи отовсюду, одна за другой, стали загораться ядовитые, светящиеся точки диких глаз. Черные тени безмолвно окружили их, выныривая из тумана.

Птица снова пронзительно каркнула и камнем бросилась вниз, едва не задев Ивара крылом. Он испуганно взмахнул топориком, пытаясь достать тварь в воздухе, но лезвие лишь рассекло пустоту, а ворона взмыла обратно на ветку, издав хриплый, похожий на издевку звук. В то же мгновение тени за деревьями обрели плоть. Из тумана, бесшумно перебирая лапами по костям, стали вырастать очертания зверей. Они походили на волков, но были куда крупнее, массивнее обычных хищников, а их хребты уродливо горбились во мраке. Сотни ярких точек глаз уставились на них.

— Держись за мной. — глухо скомандовал Радимир.

В тишине раздался чистый лязг стали — Радимир выхватил из ножен свой тяжелый меч.

Этот звук послужил сигналом. Твари одновременно сорвались с мест и лавиной бросились на них. Первое чудовище прыгнуло из тумана прямо на Ивара, клацая гнилыми клыками. Мальчик не успел испугаться — тело сработало само. Выставив вперед топорик, он наотмашь рубанул прямо по клыкастой морде. Острая сталь легко рассекла плоть, и густая, горячая черная кровь брызнула на сухую траву под ногами. Тварь завизжала, заваливаясь набок, но на ее место из темноты уже летели новые.

Радимир еще никогда не видел столь огромной стаи. С каждым ударом их становилось только больше. Он убил сотнями всякое отребье, но этот бесконечный морок лишал сил даже его. Навьи твари выкатывались из тумана, окружая их. В последний миг воевода успел закрыть сына собой. Встав впереди Ивара, он со всей силы оттолкнул мальчика, а сам яростно рубанул мечом прямо по рычащим теням.

— Живо! Беги! — громовым голосом крикнул отец.

Ивар очнулся от оцепенения и ринулся прочь, вглубь чащи. Сухие ветки кустов с силой хлестали его по лицу, оставляя кроваво-красные отметины. Он несся сломя голову, продираясь сквозь колючие заросли и уходя все глубже и глубже в самое сердце Чернолесья.

Вдруг Ивар споткнулся о скрытый в траве корень и кубарем полетел на землю, больно ударившись коленом. Хватая ртом ледяной воздух, он быстро поднялся и резко обернулся.

Но позади никого не было. Отец исчез.

— Отец?! — закричал Ивар, и его голос сорвался от первобытного, леденящего душу ужаса. — Где ты?!

Но Чернолесье безмолвствовало. Никто не отозвался. Позади никого не было. Лишь из тумана, прямо над его головой, донеслось глумливое карканье:

— Здесь! Здесь! — хрипела белоглазая ворона.

В ту же секунду к ней мигом присоединились сотни других. Чернолесье взорвалось сумасшедшим, оглушительным хором:

— Здесь! Здесь! — разносилось со всех сторон. — Здесь! Здесь! Здесь!

Ивар задрал голову — на ветках сидело столько черных птиц, что их было не сосчитать. Они буквально облепили деревья, сливаясь с ночной тьмой. Выплюнув проклятие, мальчик яростно взмахнул топориком, наотмашь сбивая первую тварь, что неслась ему прямо в лицо. Вороны одна за другой бросались на него, целясь клювами в глаза.

Все произошло слишком быстро. Тьма, когти и перья окружили Ивара. Они с ходу сбили мальчишку на землю, пока остальные твари кружили над головой, словно забавляясь со своей добычей. Парень отбивался из последних сил, рубя топориком вслепую.

— НЕТ! — не своим голосом заорал он. — НЕТ, ТВАРИ!

Одна из тварей с мерзким хрустом впиалась клювом в ладонь, которой Ивар закрыл лицо, и вырвала кусок мяса. Обливаясь кровью, мальчик повалился в грязь. И тут среди топкой, гнилой серой травы он увидел тяжелый стальной блеск. Это был меч его отца. Радимир потерял его в бою. Воспоминание об отце вспыхнуло в сознании Ивара последней надеждой. Отбросив сломанный топорик, он отчаянно рванулся вперед и мертвой хваткой вцепился в отцовскую рукоять.

Изголодавшиеся вороны вдруг отступили, растворяясь в тумане. Из вековой темноты вынырнула длинная, безмолвная тень и медленно поплыла прямо на него. Это существо было черным, бесформенным, но пугающе живым. Мальчик чувствовал, как все его естество сковывает первобытный страх, а израненные руки немеют под тяжестью отцовского меча. Не успел Ивар поднять оружие, как Нечто резко кинулось ему в лицо, сбивая с ног.

— Агх... — из груди Ивара выбило воздух, когда он повалился на хрустящие кости.

Из последних сил он пытался отбивать удары, но сталь меча лишь беспечно рассекала воздух. Издав дикий, скрипучий смех, бесформенная тень навалилась сверху, намертво сдавив ему горло. Мир перед глазами поплыл, стремительно темнея по краям. Теряя сознание и собрав последние остатки сил, он отчаянно рванулся всем телом, на миг оттолкнул от себя эту удушающую дрянь — и, не глядя, со всего маху всадил тяжелый клинок туда, где у любой живой твари должно быть сердце.

Сталь вошла легко, будто в масло. На судорожно сжатые пальцы Ивара хлынула густая, липкая и обжигающе горячая кровь.

Я убил его? — безумная мысль метнулась в голове. *Нет, тень не может кровоточить,* — отчаянно ответил ему его разум.

В то же мгновение черный морок рассеялся. Ивар моргнул.

Перед ним стоял отец. Радимир смотрел на сына широко распахнутыми, мокрыми глазами. Из его груди по самую рукоять торчал стальной клинок — его собственный княжеский меч.

Ивар огляделся по сторонам и похолодел. Вокруг царила звенящая, мертвая тишина: ни птиц, ни зверей, ни теней. Он сам был абсолютно невредим — ни разорванной ладони, ни укусов, ни ран. Лишь он и отец посреди костяного настила. Он в панике попытался вытащить оружие, но ничего не вышло. Меч намертво застрял в кости грудины. Радимир покачнулся и тяжело осел на землю, судорожно схватившись руками за сталь. Густая, темная настоящая кровь хлестала сквозь его мозолистые пальцы, заливая безжизненную черную почву.

— Нет... — выдохнул Ивар, снова и снова дергая за рукоять. Крупные слезы обожгли щеки и хлынули из глаз. — Отец... Они гнались за мной! Тени! Вороны! Я не хотел...

Но в глазах Радимира уже застывала остекленевшая смерть. Он тяжело, клокочуще захрипел. Большое, сильное тело воина обмякло и безвольно завалилось на руки сына.

— Отец... — захлебываясь слезами, прошептал Ивар, силясь приподнять его мертвую голову.

Вдруг окровавленная рука Радимира метнулась вверх и мертвой хваткой вцепилась Ивару в запястье. Он вскинул голову. Остекленевшие глаза Радимира затекли абсолютной, угольной чернотой. Осклабившись, оно жутко рассмеялось тем самым скрипучим, лисьим смехом.

Ивар в ужасе закричал и отскочил назад, падая на залитую отцовской кровью землю. Нечто страшное и древнее теперь смотрело на него из-за мертвых глаз его собственного отца.

Ивар вскочил и, спотыкаясь, пустился бежать. Густой сизый туман душил его. Он падал, вставал и снова падал. Корявые корни и острые камни лезли под ноги, будто намеренно цепляли его и сдирали кожу в кровь, но он не чувствовал боли. Один лишь только страх. Ивар бежал, не помня себя и не разбирая дороги, лишь бы подальше от мертвых черных глаз отца.

Почва под ногами размякла, превращаясь в жижу. Сапоги стали глубоко тонуть в трясине. Задыхаясь, Ивар с трудом перебирал ногами, хватался грязными руками за хлесткие ветки кустарников, но болотный ил засасывал всё сильнее. Наконец силы полностью оставили его. И он безвольно повалился навзничь, тяжело дыша.

Голова кружилась, внутренности выворачивало наизнанку от дурноты. Ивар больше не понимал, где находится и что произошло. Он неподвижно смотрел на тусклый алый лунный свет, пробивающийся сквозь густое сплетение ветвей над головой. Руки Ивара постепенно вращались во влажный холодный мох. Мокрая земля медленно, по сантиметру поглощала его тело, утягивая вглубь трясины.

А затем ночная тьма над ним зашевелилась. Прямо над Иваром зависло то самое Нечто.

Черное, клубящееся марево, от одного вида которого кровь стыла в жилах, зависло над болотом. Оно глядело на мальчика своими дикими, жадными, беззвучно смеющимися янтарными глазками-угольками. Ивар хотел закричать, позвать на помощь, но из сжатого горла вырвался лишь жалкий, сиплый хрип.

Нечто резко прыгнуло вниз, словно дикий, голодный зверь, всем весом вдавливая мальчишку глубоко в грязь и болотную жижу. Густая, как туман, тень ослабилась и заползла прямо в его открытый рот. Тело Ивара судорожно вздрогнуло, выгнулось дугой и намертво замерло, обмякнув. Единственное, о чем он успел подумать в угасающий последний миг, это о матери. Горькие слезы потекли по его вискам, но высохли сразу же, застыв ледяной коркой на сером, безжизненном лице. Последние связные мысли окончательно затуманились, и сознание Ивара растворилось в глухом небытии, поглощенное сырой гнилой землей.

На ветке старой осины, неподвижно наблюдая за всей этой картиной, сидела ворона. Белый, затянутый бельмом глаз птицы пристально смотрел на то место, где только что был человек. Ворона встрепенулась, расправила черные крылья и бесшумно растворилась в сером ночном небе. Листья деревьев прекратили свой зловещий шепот, и тяжелая, звенящая тишина снова навалилась на густую чащу.

Чернолесье вновь затихло.

Глава 1

— Мира, — низкий голос отца мгновенно вернул ее в реальность.

Внезапный ледяной холод скользнул по ее спине, заставив слегка вздрогнуть. Мирослава сильнее сжала мозолистую, надежную ладонь отца.

— Кажется, я слышала крик — едва слышно прошептала она. — Крик? — высокий мужчина медленно обернулся, его тяжелый, уставший взгляд скользнул по верхушкам елей. Он долго всматривался в чащу, но ничего не услышал и не увидел. Чернолесье оставалось таким же притихшим, чужим и угрюмым, что и прежде.

Небо уже затянуло грозowymi тучами. Они стояли на узкой тропинке посреди поляны диких цветов. Под очередным ударом сильного порыва ветра созревшие, пушистые шапки одуванчиков сорвались со стеблей, и белые пушинки лавиной рассыпались по всему полю. Сквозь этот белый вихрь Мира испуганно смотрела на далекий, мрачный Лес. Оттуда, из самой чащи, совсем недавно раздался истошный крик, и в потемневшее небо, громко каркая, взлетела огромная стая черных как смоль птиц.

— Это просто ветер или дикий зверь. Не стоит бояться. — глухо бросил он, на секунду замывшись, поправил охотничий нож на поясе. — Мы почти на месте, милая. Давай поторопимся, до грозы нужно успеть. Они уже ждут нас.

Он крепче сжал ее ладонь, увлекая за собой по петляющей тропе. Его слова несколько ее не успокоили. Тот звук, что пронзил предгрозовую духоту, не имел ничего общего со звериным воем. Это был человеческий голос, полный смертного, запредельного ужаса. Но Мира не стала спорить с отцом, все равно это было бесполезно. Он никогда не замечал того, что с легкостью улавливала она.

Тропа резко вильнула, и одуванчиковое поле осталось позади. Узкая дорожка словно сама вела их к самому дому. Первые крупные капли дождя с глухим стуком упали на землю.

Впереди, прямо посреди глухой туманной прогалины, показалась одинокая, потемневшая от времени резная изба Велимиры. Она выглядела скромной и неприметной, но ее крыша, поросшая зеленым мхом, напоминала спину большого спящего лесного чудовища. Оно, словно угрюмый, безмолвный страж, спало здесь, окруженное вековыми, искривленными соснами, охраняя тайны Чернолесья.

Тяжелая дубовая дверь заскрипела еще до того, как они успели подойти к крыльцу. Старая ведунья предстала перед ними точь-в-точь как в редких маминых рассказах. Велимира была невысокого роста, сухой и жилистой, с величавой осанкой. Длинные белые волосы струились по плечам; в них были вплетены тонкие косички с потемневшими лентами, серебряными, костяными и деревянными резными украшениями, покрытыми древними символами. На фоне ее темного, длинного, подпоясанного одеяния на шее тускло поблескивала целая куча звенящих амулетов-навесов.

С суровым на первый взгляд лицом, но с добрыми, окруженными мелкими морщинками, глазами, она озабоченно посмотрела на замершую Миру.

— Быстрее, заходите.

Она властным жестом пригласила гостей войти, пропуская внутрь дома, укрывая их от нахлынувшего дождя. Переступив порог, Мира на секунду замерла.

Изнутри изба оказалась огромной — намного больше, чем виделось снаружи. Повсюду были развешаны пучки сухих трав и диких цветов, заполнявшие весь дом своим терпким, приятным ароматом. Здесь пахло корой, сухими листьями и сладким медом. Вокруг царила благоговейная тишина, нарушаемая лишь глухим стуком дождя по крыше.

— Вы замерзли с дороги, — озабоченно произнесла Велимира, — Давайте поближе к печке.

Ведунья мягко подтолкнула их к деревянному столу, стоявшему у самой печи, от которой веяло спасительным жаром, и усадила на широкую дубовую скамью. Из закопченного глиняного горшка, томившегося до этого в печи, она зачерпнула деревянным ковшом горячий, пахнущий травами отвар. Налив его в увесистую глиняную кружку, старуха добавила туда ложку густого дикого мёда, чтобы Мира наконец смогла согреться.

— Никто не встретился вам по дороге? — спросила Велимира, подавая исходящую паром кружку девочке. — Держи, это поможет согреться.

Мира приняла ее, крепко обнимая озябшими пальцами, и выжидающе взглянула на отца. Расскажет ли он ей о том, что она слышала в Лесу.

— Нет, — отозвался он, качнув головой. — Тропа вела нас от самого дома; Яромир строго наказал идти не сворачивая. Мы лишь на одну ночь остановились на ночлег у ручья, но вокруг всё было тихо. Никого не встретили.

Велимира нахмурилась, переводя взгляд на темное окно, за которым начинала разыгрываться буря.

— Хорошо, — тихо проронила она. — В последнее время Чернолесье стало как-то беспокойно. То ливни стеной набегут, то удушливый туман поднимется посреди дня. Не к добру это. — А он нас видит? Лес? — заинтересованно спросила Мира, делая глоток вкусного отвара.

— Ты ведь это почувствовала верно? — она заговорчески улыбнулась, и мелкие морщинки разбежались от уголков ее выцветших глаз. — Граница с Навью здесь тонка как нигде. Нечисть живет своей жизнью, а Лес прощупывает каждого, кто входит в него. Холод волной проходит по тебе — это он тебя так проверяет. Лес ведь живой, он мгновенно реагирует на любое чужое присутствие.

Мира поспешно, горячо кивнула, обрадовавшись всем сердцем. Это был первый раз в ее жизни, когда кто-то, кроме покойной матери, ее понял. Да и о ней самой дома она почти никогда не говорила.

До трагедии они с отцом были неразлучны. Он был охотником и часто брал ее с собой в лес на охоту; учил выслеживать зверя по едва заметным следам, узнавать голоса птиц, правильно строгать стрелы, натягивать тетиву и без промаха бить в цель. Но после смерти жены всё изменилось. Отец ушел в глухую, непроницаемую скорбь и закрылся в ней один. Напуганный до глубины души, он запер маленькую Миру в их одиноком, стоящем на отшибе деревни, доме и перестал пускать в лес, или куда-либо еще, отчаянно пытаясь уберечь единственную дочь. Мира пыталась заговорить с ним, выведать, что же тогда случилось на самом деле, но отец лишь сильнее замыкался в себе и совсем переставал отвечать; больше она не заводила речей о матери.

Внутри девочки годами зрело сильное, ядовитое презрение и ненависть ко всей лесной нечисти. Твари отобрали у неё мать, лишили отцовского тепла и превратили ее жизнь в сплошное одиночество.

Заметив, как помрачнело лицо девочки, Велимира тихо вздохнула.

— Дай мне свою руку, деточка, — попросила она, и не дожидаясь ответа, сама взяла своей морщинистой, теплой рукой ее маленькую, замерзшую ладошку и закрыла глаза.

Мира замерла, чувствуя, как от пальцев старухи разливается странное, успокаивающее тепло, заполняя все ее тело. Спустя долгое мгновение ведунья открыла глаза и отпустила ее руку.

— У тебя точно такие же глаза, как у твоей матери, — Велимира мягко улыбнулась. Мира смотрела своими большими карими глазами в серые, почти прозрачные глаза старухи со светлыми, выцветшими ресницами. — И горят они так же, как у нее когда-то.

— Матушка тоже могла почувствовать это? — затаив дыхание, спросила девочка.

— Она умела куда больше, чем это, дитя, — мягко ответила Велимира. — Но это долгая история.

Ведунья выпрямилась, тяжело вздохнула и повернулась к поникшему отцу.

— Пойдём, — мягче добавила ведунья, увлекая отца за собой. — Можешь есть все, что пожелаешь. Набирайся сил, — ласково бросила она девочке.

На широком дубовом столе стояло столько сытных яств — пышный горячий пирог, кувшин с парным молоком, вяленое мясо, сушеные ягоды и сладкие медовые соты — что у голодной с дороги Миры просто разбежались глаза и гулко заурчал живот. Она уселась поудобнее, и принялась жевать все подряд, на мгновение позабыв обо всех тревогах.

Велимира подошла к старому сундуку в углу, достала оттуда небольшую деревянную плашку на кожаном шнурке и бережно протянула ему. Оберег, искусно вырезанный вручную из потемневшего от времени дуба, был сплошь покрыт таинственными символами.

— Оберег принадлежал Елици, ее сестре. — тихо пояснила ведунья. — В нем все еще таится древняя защитная сила их обеих. Держи его при себе всё время, мне так будет спокойнее. И Мира с легкостью почувствует его, где бы ты не был.

Он внимательно рассмотрев нацарапанные символы, молча спрятал оберег в карман.

— Я бы дала тебе еще время, — тихо сказала она. — Но у нее его больше нет. Если девочка останется в деревне, ее постигнет та же участь, что и мать. Ей не место в мире людей.

— Я это понимаю, — глухо отозвался он, и его пальцы судорожно сжались. — Понимаю что оставлять ее среди людей опасно. Без нужных знаний она просто притянет к себе беду. Но — голос отца дрогнул от сдерживаемой боли, — Мира — единственное, что у меня осталось от жены.

Велимира сочувственно коснулась его плеча.

— Девочка здесь будет в безопасности, Никто чужой не зайдет в эти земли, пока я того не захочу. Куда опаснее и глупее держать ее дома, словно зверька в клетке.

Он покосился на ведунью и нахмурился, уколотый ее явным намёком.

— Была бы моя воля, она бы в деревне и осталась, — проворчал он, косясь на дочь. — Но она упряма совсем как своя мать. Никогда бы мне не простила, если бы я держал ее взаперти.

Мира сидела на скамье за столом, поджав под себя ноги, и жуя пирог, разговаривала с абсолютной пустотой. С кем-то, кого в комнате не было и быть не могло. Кивала, улыбалась чему-то, и тихо шевелила губами, будто отвечая. Не замечая никого вокруг, она протянула руку к кому-то невидимому для его глаза существу и улыбаясь, погладила воздух, будто пушистого зверька.

Вдруг Мира поймала на себе тяжелый взгляд отца. Она замерла, поспешно вытерла рукавом испачканный крошками рот и широко, виновато улыбнулась ему во все зубы.

— Да и манерам девочку тоже не мешало бы поучить, — Велимира покачала головой, усмехнувшись.

В этот момент входная дверь избы тяжело закрипела, впуская внутрь порыв холодного ветра и капли дождя. В проеме показался крупный, высокий мужчина с белой как лунь головой, густой бородой и усами.

— Вот же Льёт как из ведра! — громогласно проворчал вошедший, стряхивая грязь с тяжелых кожаных сапог.

Мира поежилась от холода, и отвлеклась от своего призрачного зверька, с настороженным любопытством рассматривая незнакомца. Мужчина выглядел намного старше ее отца, но его мощное телосложение совершенно не вязалось со старостью. Изрезанное глубокими морщинами лицо раскраснелось после тяжелого труда, а ясные, по-молодецки темно-зеленые глаза горели живым огнем. Как и у Велимиры, в седые пряди кое-где были вплетены резные деревянные бусины и костяные обереги. На нем были простые плотные штаны и широкая поскон-

ная рубаха, подпоясанная кожаным ремнем. На боку покачивался массивный охотничий нож, который казался намного крупнее отцовского.

Мужчина бережно прислонил к косяку тяжелый топор и, отряхиваясь от дождевых капель, глухо проворчал:

— Ну и ливень налетел, все бревна до нитки вымокли... — но, заметив гостей, он удивленно вскинул густые брови, — Ох, так они уже здесь?

В этот момент Мира переменялась в лице, заметив того, кто до этого прятался за широкой спиной великана. Из-за ноги Яромира робко показался маленький мальчик. Он едва доставал мужчине до пояса, но изо всех сил храбрился, неся перед собой огромную, явно не по силам охапку мокрых дров и веток. Мальчишка прошествовал мимо, упорно не замечая, сидящую за столом Миру, с грохотом сбросил тяжелую ношу у печи и с облегчением оттряхнул перепачканные ладони.

Одет он был точно так же, как и старик. На его тонком детском пояске висел точно такой же нож, только поменьше, хотя даже эта рукоять казалась слишком большой для его маленькой руки.

Заметив ее, мальчишка на секунду смутился, но тут же взял себя в руки и уверенно подошёл прямо к деревянной скамье. Он даже не подумал приветливо улыбнуться — просто замер напротив и принялся разглядывать гостью в упор своими недетскими, серьезными, зелёными как сочная трава глазами.

— Ян, — твердо произнес он.

Мира непонимающе моргнула, совершенно опешив от такой бесцеремонности.

— Мое имя, — терпеливо объяснил он, не сводя с нее взгляда. — Ян.

И, так и не получив от неё ответа, выпалил на одном дыхании:

— Значит, ты и есть Мирослава. Это твоя матушка была колдуньей? А ты? Ты тоже умеешь колдовать? А нечисть видишь?

От такой лавины вопросов Мира растерялась и недоуменно посмотрела на отца, ища защиты, но тот лишь хмуро молчал, погруженный в собственные тяжелые думы.

Плечистый великан Яромир негромко усмехнулся в густые усы. Тяжело ступая по половицам, он подошёл к мальчику и присел перед ним на корточки, из-за чего его широкая рубаха натянулась на крепкой спине.

— Ян, сколько раз тебе повторять? — мягко, но наставительно сказал старик. — Сначала ты должен поприветствовать гостью, потом представиться, вежливо спросить ее имя, предложить чаю и накормить с дороги. И только после этого задавать свои вопросы.

Яромир поднялся, расправил широкие плечи и повернулся к Мире, на его суровом лице играла теплая улыбка.

— Не обижайся на него, Мира. Мальчишка, кроме нас с сестрой, людей-то почти не встречал, — со вздохом объяснил он. — Со временем научится. Ему уже давно пора привыкать к чужакам. А тебя он очень ждал, только о тебе последнее время и говорил не замолкая, все встретить хотел, — Яромир добродушно рассмеялся, отчего его густая борода забавно качнулась.

«Не видел до нее других людей?» — удивленно подумала Мира, продолжая внимательно рассматривать Яна.

Мальчишка, заметив ее пристальный взгляд, упрямо отвернулся в сторону печи. Он мгновенно покраснел до самых кончиков ушей, явно смущенный замечанием Яромира. Вся его напускная храбрость куда-то испарилась.

— Я не умею колдовать, — отозвалась Мира, — и моя матушка не была колдуньей. — Она мягко улыбнулась ему, — Она была знахаркой и лечила людей от болезней.

Ян шмыгнув носом, обернулся. Мира дружелюбно похлопала ладонью по широкой деревянной скамье рядом с собой и немного отодвинулась, приглашая его сесть вместе с ней. Он улыбнулся в ответ и с радостью принял приглашение.

Когда они вместе поели и выпили горячего отвара из диких трав с земляникой и сушеной мятой, напряжение в избе окончательно спало. Яромир всюду расспрашивал отца о делах в деревне, и пока мужчины тихо обсуждали последние вести, Велимира обустроивала им места для ночлега.

Мире ведунья приготовила отдельную небольшую комнатку, а ее отцу постелили в горнице на широкой лавке. Ян, как обычно, забрался спать повыше, на теплую печь.

За окном всюду бушевала гроза. Тяжелые капли дождя яростно барабанили по мшистой крыше избы-чудовища, а раскаты грома заставляли вздрагивать бревенчатые стены. Вместе с ними каждый раз вздрагивала и Мира; она до безумия боялась грозы и грома. Девочка лежала в темноте, с головой укрывшись теплым шерстяным одеялом, и испуганно прислушивалась к бушующей за стенами стихии. Сердце все еще тревожно билось в груди, но усталость долгого пути взяла свое. Ее глаза закрылись, и она провалилась в глубокий, беспокойный сон.

Ей снилось, будто они убегают.

Вокруг хлестал проливной ливень. Мира, скованная диким страхом, крепко прижималась к груди матери, бережно несший ее на руках сквозь сплошную пелену бушующей грозы. С каждым оглушительным раскатом грома девочка пряталась всё глубже, утыкаясь носом в мамины мокрые волосы и крепко зажмуриваясь. Они мчались среди стонущих от ветра деревьев, а следом, в густой темноте, ломая ветки, гнались три клыкастых черных силуэта.

Тяжелый, леденящий лязг железа — это последнее, что она услышала перед тем, как они с матерью соскользнули и упали в холодную грязь, смешанную с гнилыми осенними листьями. Женщина из последних сил затащила ее в колючие кусты и прижала к себе так отчаянно, что Мира тихо всхлипнула от боли.

Но звери все равно нашли их. Жуткие, покрытые густой шерстью чудовища выдрали мать из убежища и поволокли за собой по земле. Она отчаянно тянула руки к дочери, застыв в немом, разрывающем сердце крике. Нечисть утаскивала ее во тьму, и сколько бы маленькая Мира ни бежала за ней и ни тянула свои маленькие пальчики в ответ, она никак не могла до нее дотянуться...

Мира проснулась с беззвучным криком, вся в холодном поту. Сердце бешено колотилось в груди, норовя вырваться наружу. Почувствовав странное движение у своих ног, девочка испуганно резко отпрянула, вжавшись спиной в бревенчатую стену, и замерла, не смея пошевелиться.

На краю ее постели сидело черное, лохматое чудо. Оно пристально пялилось на нее огромными, дикими желтыми глазами, а затем враждебно зашипело, вздыбив шерстку на спине и обнажив маленькие, острые белые клыки.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.